

Н. А. Волкова

**ПЕРВИЧНОСТЬ-ВТОРИЧНОСТЬ ТЕКСТА КАК ФАКТОР,
ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ РЕАЛИЗАЦИЮ СЕМАНТИКИ ТЕКСТОВОЙ
МОДАЛЬНОСТИ**

*Работа представлена кафедрой русского языка Горно-Алтайского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. А. Чувакин*

В статье представляется фрагмент диссертационного исследования, посвященного рассмотрению категории модальности художественного текста в динамическом аспекте. Реализация этой категории исследуется с позиций первичности (отдельности) и вторичности текста, входящего в авторский цикл.

The article presents the fragment of the dissertation research devoted to the investigation of the category of literary text modality in dynamic aspect. The realization of this category is researched from the position of the primary (separate) and secondary usage of the text in the author's cyclus.

Текстовая модальность (ТМ) как категория, антропоцентрическая по своей природе, является неотъемлемым свойством любого художественного текста. В данной работе под ТМ понимается функционально-семантическая категория, выражающая отношение автора к изображаемому, которое (отношение) проявляется, во-первых, в выборе той или иной точки зрения на изображаемое, во-вторых, в создании общего эмоционально-оценочного настроения содержания текста¹.

Как показывает изучение литературы по вопросу, характер воплощения ТМ в отдельном художественном прозаическом тексте обуславливают следующие взаимосвязанные факторы: 1) жанр произведения, 2) тип повествователя и связанная с ним речевая структура, 3) открытый (эксплицитный) или скрытый (имплицитный) характер авторского волевого выражения, 4) композиция, размещение тех или иных субъективно-модальных квалификаций в пространстве текста (прежде всего – относительно его сильных позиций²).

Однако все вышеперечисленные факторы реализации ТМ могут подвергаться модификации, если учитывать еще один фактор – надтекстовой по отношению к отдельному тексту, – фактор его первичности-вторичности. Вслед за Л. М. Майдановой в данной работе *вторичным текстом* называется «текст, созданный на базе другого, первичного текста»³. В таком аспекте можно исследовать цикл произведений. При этом под *первичным текстом* (Т-1) нами понимается отдельный текст (рассматриваемый вне цикла), а под *вторичным текстом* (Т-2) понимается текст, ставший частью целого цикла.

Циклы произведений представляют интерес для исследователей с точки зрения организации их в единое целое, поскольку циклическое объединение может стать особой формой воплощения авторской концепции, когда каждое отдельное произведение, *оставаясь относительно самостоятельным, становится одновременно элемен-*

том новой целостности. Ю. М. Лотман, рассматривая отношения текста и внетекстовых структур, отмечает, что в качестве текста может выступать отдельное произведение из цикла. «Тогда отношение его к циклу будет внетекстовым. Это отношение текста к внешним структурам. Однако единство организации цикла позволяет нам рассматривать на определенном уровне и его в качестве текста»⁴.

При рассмотрении цикла произведений в аспекте первичности-вторичности актуальным становится изучение динамических механизмов смыслообразования, сопровождающих и обуславливающих вхождение отдельного текста в большее целое. В таком случае важное значение приобретает *взаимоотношение текста и среды* как ближайшего текстового окружения.

В связи с вышесказанным рассмотрим на примере рассказов авторского цикла В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова», как цикловая среда будет влиять на ТМ отдельного рассказа, ставшего частью целого цикла. Особенностью повествовательной структуры рассказов данного цикла является возрастное расслоение субъективной сферы рассказчика, связанное с разными его пространственно-временными точками зрения. Исследование воплощения категории модальности в рассказах данного цикла показывает, что реализация ее семантики зависит от соотношения разных точек зрения в пределах одного рассказа и в пределах цикла. Направления преобразования ТМ рассказа при переходе его из Т-1 в Т-2 определяются изменением (модификацией) основных факторов реализации этой категории в отдельном тексте.

Прежде всего цикловая среда обуславливает *расширение жанровых границ* рассказа. Исключается монотемность и концентрация повествования на одной сюжетной линии, расширяется предметная реальность и пространственно-временной континуум, что влияет на воплощение референтивной модальности, т. е. выборе той или иной точки зрения при изображении. Состав точек

зрения в одном рассказе не изменяется, но *их соотношение в пределах цикловой среды, их иерархия может подвергнуться изменению под действием целого*, поскольку «нелинейные взаимосвязи между структурами позволяют частям целого реализовать свои новые стороны и свойства»⁵. Так, например, в рассказе «Первое знакомство с городом» (с которого начинается названный цикл Шукшина), исследуемом как Т-1, доминирует эмоционально-оценочная детская точка зрения (негативная по своему содержанию), связанная с непосредственным восприятием событий. Однако при включении рассказа в цикл (преобразовании Т-1 в Т-2) начинает доминировать другая точка зрения, связанная с эпическим отстранением от изображаемых событий, точка зрения взрослого рассказчика, эстетически переосмысливающего эти события.

Как отмечает М. П. Дарвин, «в циклической художественной форме важна не столько подчиненность части целому, как в самостоятельном литературном произведении, сколько сама *связь частей*»⁶ (курсив автора цитаты. – Н. В.). Хотя это глубокое наблюдение было сделано по отношению к лирическому циклу, на наш взгляд, оно также действительно и для цикла прозаического. В реализации категории ТМ эта связь проявляется *на уровне образного содержания и в формировании эстетической доминанты целого цикла*, скрепляющей все части в единое целое. Такой доминантой становится «двоемирие»: с одной стороны, изображение слиянности мальчика-персонажа с окружающим миром, непосредственности восприятия этого мира, с другой – широкое обобщение по отношению к изображаемому.

Такой фактор, как *тип повествователя* (и связанная с ним речевая структура), влияющий на воплощение ТМ в Т-1, также может подвергнуться некоторым трансформациям, когда речь идет о Т-2.

В художественных произведениях с перволичной формой повествования, «я» рассказчика может скрывать целую иерархию ТЗ внутри самого этого повествовательно-

го «я». Так, Н. А. Гузь и В. П. Никишаева, рассматривая тип повествователя в цикле «Из детских лет Ивана Попова», отмечают определенную его неоднородность: «Здесь выстраивается последовательность повествователей: “я” повествователь в каждом рассказе цикла (“Первое знакомство с городом”, “Гоголь и Райка”, “Жатва”...) – персонифицированный повествователь (Иван Попов) – повествователь в форме третьего лица, создавший весь цикл»⁷. Разные точки зрения, организующие те или иные типы повествования, отличаются друг от друга *степенью своей самостоятельности и конструктивной значимости* в произведении: одни из них закрепляются только за определенными фрагментами, другие, сколь бы мало места они ни занимали, организуют текст (цикл) в целом. Так, несобственно-прямая речь персонажа оказывается привязанной к узкому контексту: «*Эх, папка, папка! А вдруг да у него не так все хорошо пойдет в городе? Ведь едем-то мы – попробовать. Еще неизвестно, где он там работу найдет, какую работу?...*». С другой стороны, встречаются типы повествования, в которых формы речи приближают образ рассказчика к образу автора, поэтому субъективная модальность, выраженная в таких отрезках, имеет значение для контекста всего цикла. Таким образом, исследование воплощения авторского отношения к изображаемому в аспекте Т-1 – Т-2 должно учитывать это *имплицитное иерархическое соотношение* в структуре субъекта повествования в одном рассказе и в цикле рассказов.

Третий фактор, обуславливающий тот или иной характер реализации категории ТМ, – *установка автора на эксплицитное или имплицитное выражение субъективно-оценочного отношения к изображаемому*, подвержен модификации при расширении текстовой среды по отношению к Т-1 в той степени, в какой возможно изменение типа повествователя.

Традиционно к эксплицитным формам выражения авторского сознания относят

авторские отступления (лирического или философского характера), риторические вопросы и восклицания, сентенции, прямое обращение к читателю, прямые оценочные характеристики персонажей (характерологическая деталь). При расширении эпического пространства возрастает вероятность авторских отступлений, комментирований, обращений к читателю, которые помогают конкретизировать направление авторского отношения к изображаемому. Такое авторское отступление появляется во втором рассказе рассматриваемого цикла («Гоголь и Райка»), где в экспрессивной форме выражается точка зрения взрослого рассказчика о «праздниках детства» как незабываемых моментах жизни. В этом отступлении «я» рассказчика приближается к «я» автора, поскольку давно минувшее оборачивается к читателю своей эстетической стороной.

Если говорить о месте и структурной роли авторских отступлений, то следует отметить их парентетический характер, их включение в текст по принципу синтактико-стилистической вводности, однако по сравнению с другими повествовательными типами речи прагматическая направленность авторского отступления выражена сильнее. Поэтому если авторское отступление является одним из компонентов повествовательной структуры авторского цикла произведений, то необходимо рассмотрение его *иррадирующего эффекта* в общетекстовом (общецикловом) плане, т. е. рассмотрение его конкретизации в широком контексте и оказания влияния на широкий контекст. Так, мотив праздника, радости, ярко выраженный в лирическом отступлении (и в целом во втором рассказе), актуализирует в других рассказах цикла подобные субъективно-модальные значения. Например, в рассказе «Первое знакомство с городом» в аспекте Т-2 актуализируется модальность, связанная с любованием степью: *«Вообще-то мне тоже нравится ехать. Вольно кругом, просторно...»*, модальность детского восторга: *«В комнату вошел долговязый парнишка... с самолетом. Я прирос*

к сундуку. <...> Самолет был легкий, как пушинка, с тонкими, размашистыми крыльями, с винтиком впереди».

Четвертый фактор, определяющий реализацию семантики ТМ, – это собственно текстуальный фактор – *композиция и размещение субъективно-модальных квалификаций в пространстве текста*. Здесь направления преобразования ТМ при изменении Т-1 в Т-2 могут быть обусловлены двумя формально выраженными «дериваторами» цикла – 1) общим заглавием, объединяющим все части в единое целое, 2) приобретением каждым текстом позиции (места) в цикле как целом.

Когда произведение литературы осознается как самостоятельное системно организованное образование (Т-1), возрастает роль функции изоляции и завершения его заглавием. Когда же произведение включается автором в определенный цикл с общим заглавием (расширяется текстовая среда), то заглавие исходного произведения становится одним из внутренних заглавий. Внутреннее заглавие, потеряв былую самостоятельность, становится зависимым от главного. Так, заглавие цикла «Из детских лет Ивана Попова» актуализирует позицию отстраненности, позицию повествователя «от третьего лица», в то время как в каждом рассказе цикла представлен перволичный рассказчик и заглавие каждого рассказа «привязано» к конкретной ситуации.

Что касается позиции текста в составе целого цикла, то особое значение здесь приобретает положение первого и последнего текста, поскольку именно они содержат абсолютное начало и абсолютный конец целого цикла. «Предельная степень экспликации связи между заглавием и целым текстом достигается тогда, когда повторяющиеся элементы заглавия являются сквозными... а также помещаются в сильных позициях: начале и конце текста»⁸. В рассматриваемом цикле обнаруживается прямая связь между заглавием целого цикла и его абсолютным концом (последним предложением последнего рассказа). Выражая

свое детское впечатление от встречи с настоящим самолетом, рассказчик заканчивает повествование следующим образом: «И теперь он стоит у меня в глазах – большой, легкий, красивый... Двукрылый красавец из далекой-далекой сказки». Соединяясь с названием цикла, а также с вышеупомянутым лирическим отступлением, последняя фраза актуализирует направление семантики общецикловой модальности в зоне точки зрения взрослого рассказчика, оценивающего события детства с позиции созерцания – «детство как далекая сказка».

Такая активная роль названных сильных позиций цикла приводит к тому, что под действием новой среды в Т-2 актуализируются субъективно-модальные значения, которые в составе Т-1 были не доминирующими, и наоборот, те модальные актуализации, которые определяли реализацию ТМ в Т-1, «погашаются» в составе другого (большого) целого, т. е. становятся не главными, отодвигаются на второй план.

Таким образом, исследование категории ТМ в авторском цикле в аспекте Т-1 – Т-2, опирающееся на представления о тексте как динамическом системном образовании, функционирование которого определяется его ближайшей текстовой средой, позволяет обнаружить и обосновать преобразования в реализации модальной семантики в тексте, рассматриваемом с разных позиций: с позиции его первичности, отдельности, и с позиции вторичности, включенности в состав другого целого.

Таким образом, исследование категории ТМ в авторском цикле в аспекте Т-1 – Т-2, опирающееся на представления о тексте как динамическом системном образовании, функционирование которого определяется его ближайшей текстовой средой, позволяет обнаружить и обосновать преобразования в реализации модальной семантики в тексте, рассматриваемом с разных позиций: с позиции его первичности, отдельности, и с позиции вторичности, включенности в состав другого целого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также о понятии текстовой модальности: Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на Дону, 1993; Ильенко С. Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц. Л., 1988; Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004; Солганик Г. Я. О текстовой модальности как семантической основе художественного текста // Структура и семантика художественного текста. М., 1999. С. 364–372.

² О понятии сильных позиций текста см.: Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностраный язык в школе. 1978. № 4. С. 23–31; Матвеева Т. В. К лингвистическому изучению композиции текста // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Труды краевого музея истории, литературы, искусства и культуры Алтая. Вып. 2. Барнаул, 1992. С. 144–146.

³ Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. С. 81; см. также о вторичном тексте: Чувакин А. А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии и лексикографии. Томск, 1998. С. 23–24.

⁴ Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 270.

⁵ Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970. С. 73.

⁶ Дарвин М. П. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1996. С. 12.

⁷ Гузь Н. А., Никишаева В. П., Новгородова Р. Т., Новгородов М. А. Типы повествователя в рассказах В. М. Шукшина // В. М. Шукшин – философ, историк, художник / Краеведческий музей ист. литературы, искусства и культуры Алтая. Барнаул, 1992. Вып. 3. С. 125.

⁸ Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: Онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. М., 1988. С. 170.